

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Как говорит мой дядя, любовь присутствует в каждой истории: в величественной или в бесхитростной, в прекрасной или в иной. Вы найдете любовь в историях, заставляющих нас плакать, равно как и в других, поднимающих наш дух.

Мы сидели на полу в кухне. Наступил вечер, стало прохладнее. Видя, что дядя дрожит, я сходил за одеялом, укутал его плечи и снова сел.

В очаге потрескивал огонь. Я смотрел на угли и слушал дядю, хотя и не вполне понимал то, о чем он говорил.

— Истории могут быть очень старыми, насчитывающими сотни и даже тысячи лет и родившимися в диковинной и далекой стране. Или совсем свежими, сочиненными минувшим вечером в маленькой хижине за рекой. Но у всех значительных повествований есть общая тема: потребность человека в любви... Бо Бо, ты меня слушаешь? — (Я кивнул.) — Нет большей силы, чем любовь, — тихо продолжал дядя. — У нее неисчислимое множество лиц и обличий. Никакой другой предмет так не занимал поэтов в прошлом и не будет занимать в будущем. И это неспроста, иначе мы бы всё позабыли.

Видя по моему лицу, что его слова лишь сильнее меня запутали, дядя наклонился ко мне, слов-

но собирался раскрыть большой секрет, но затем вдруг передумал.

Это было очень на него похоже. Вот уже несколько недель, когда мы садились у очага, дядя принимался рассказывать какую-нибудь историю, но неизменно обрывал ее, не доведя до конца.

Он рассказывал о времени, когда был маленьким, а окружающий мир — огромным, когда в Кало не было ни автомобилей, ни телевизоров.

О жене, умершей совсем молодой.

О матери, способной преодолевать большие расстояния, не делая ни шагу.

О мальчишке, якобы способном различать породы бабочек по шелесту крыльев.

По правде говоря, во многие из дядиных историй мне было трудно поверить. Ну кто способен услышать шелест крыльев летящей бабочки? Но дядя рассказывал очень ярко, и я ловил каждое слово.

— Ну вот опять, — пробормотал дядя. — Когда это закончится? О чем я говорю? Что мальчишка твоего возраста может знать о любви?

Какой ответ хотел услышать дядя? В самом деле, что может знать о любви двенадцатилетний мальчишка?

Ничего.

Или совсем мало.

А может, больше, чем кажется дяде?

На этом, к моей досаде, наш разговор оборвался. Я бы с удовольствием слушал дальше. У дяди замечательный голос. Если он начинает рассказывать, я забываю обо всех дневных заботах. Когда я был совсем маленьким, дядя мне пел и я засыпал.

Мог ли я знать, что все дядины недосказанности — лишь начало куда более длинной истории

и что, когда мы доберемся до конца, я наконец-то пойму все то, о чем он неделями пытался мне рассказать? Разными способами: порой словами, а порой без слов.

На следующее утро дядя начал рассказывать мне о своей младшей сестре, что уже было необычным.

Он лежал на кушетке, накрывшись легким одеялом. Я подложил ему под голову две подушечки. Потом заварил дяде чай и уселся на пол рядом с ним. Глаза у дяди были закрыты, а рот открыт, словно он уснул. Дождь прекратился. Щебетали птицы. Я думал, что напрасно сижу здесь, когда мог бы спуститься во двор и накормить кур. В этот момент дядя прошептал мое имя.

— Бо Бо, ты здесь? — спросил он.

Я взял его за руку. Я часто так делаю. Рука была мягкой и теплой. Дядя улыбнулся, не открывая глаз. Я крепко держал дядину руку. Ему это нравилось, особенно когда он уставал или не мог уснуть.

А нынче он уставал часто. Главным образом по утрам. Иногда я думал, что дядя заболел, но он всякий раз советовал мне не беспокоиться понапрасну. Это просто вопрос возраста. Человек, которому под восемьдесят, время от времени чувствует себя усталым, только и всего. Не знаю, так ли это. Мне пока двенадцать. Дядя — единственный восьмидесятилетний из тех, кого я знаю. Во всяком случае, кого я хорошо знаю.

Какое-то время мы с ним молчали. Во дворе ветер гнул стебли бамбука, и они скрипели. Вокруг нас с жужжанием вилась несколько мух. Из соседнего двора вкусно пахло готовящимся карри.

Его сестра обладала большим сердцем и была самой красивой из всех известных ему женщин. Конечно, за исключением его жены и матери. У нее была изящная, грациозная фигура танцовщицы, необыкновенно выразительные глаза и смех, способный согреть сердце.

Не знаю, так это или дядя преувеличивал. Я ее очень давно не видел. Даже не помню, как она выглядит и как звучит ее смех, не говоря уже о том, способен ли он согреть мне сердце.

— А вы с ней похожи? — захотелось мне узнать.

Дядя очень долго раздумывал над моим вопросом, и мне стало казаться, что он не ответит.

— И да и нет, — наконец сказал дядя. — У братьев и сестер всегда так. В чем-то они — как две капли воды, зато в другом до боли далеки.

У меня нет ни братьев, ни сестер, а потому я не знаю, прав ли дядя. У меня есть только он — мой дядя У Ба. Мы с ним совсем не далеки. Во всяком случае, не настолько, чтобы это вызывало боль.

— Сколько у нее детей? — осторожно спросил я.

Дядя молча повертел головой и наморщил лоб. Я не понимал смысла этого жеста. По собственному опыту могу сказать: взрослых не всегда легко понять.

Мне хотелось задать дяде кучу вопросов о его сестре. Например, узнать, здорова ли она. Как у нее дела. Сможет ли она приехать к нам. Но я знал: он не ответит.

Не желая, чтобы дядя совсем замолчал, я пригнулся на краешке кушетки и стал массировать ему ноги. Дяде это нравилось, и обычно он делался более разговорчивым.

— У Ба, расскажи еще о ней, — стал просить я, надеясь узнать что-нибудь новое. — Расскажи ее историю.

— Как-нибудь в другой раз, — зевнул он.

— Нет, нет, расскажи сейчас. Пожалуйста!

Все мои просьбы были напрасны. Дядя приоткрыл глаза и улыбнулся мне. Вид у него был утомленный.

Вскоре его голова повернулась набок. Ему на щеку села муха и поползла к кончику носа. Я ее согнал.

— У Ба... — шепотом позвал я. — У Ба...

Он даже не шевельнулся.

Не желая его будить, я еще немного посидел на кушетке. Потом встал и вышел во двор, где меня ждали привычные дела. Нужно было накормить кур и свинью, постирать белье и выполоть грядки. Сегодня я собирался починить велосипед. Вчера я пропорол шину: ехал по раскисшей дороге и не заметил, как наскочил на гвоздь или осколок.

Иногда я не знаю, что и думать про У Ба. Зачем утром он вдруг упомянул свою сестру? На него это было не похоже. Наверное, боялся огорчить меня своим рассказом.

У дяди только одна сестра. Думаю, вы уже догадались, что это моя мама.

ГЛАВА 2

Вокруг меня беспокойно толпились голодные куры. Едва я кинул им горсть корма, куры набросились на него так, словно давным-давно не ели. Две курицы подрались из-за зерна. Я вмешался и разнял их.

Не могу спокойно видеть голодную живность. Даже кур.

Я занимался своими делами во дворе, стараясь не думать о маме, однако мысли мне не подчинялись.

Все мои знакомые ребята живут со своими матерями. Почти все. Родители Ма Шин Моэ погибли в прошлом году. Они ехали на автобусе и попали в катастрофу. Мать Кю Мьята работает в Таиланде. Но она приезжает каждый год. Если не каждый, то раз в два года.

Подумав еще, я вспомнил про близнецов Ма Сан Йи и Маунг Тин Оо. Их мать умерла в родах. Отец снова женился, и у них есть хотя бы мачеха. Не скажу, что она слишком к ним добра, но она рядом.

О своей маме я знаю немного: только то, что она живет в Янгоне¹ и у нее не все в порядке со здоровьем. Но чем она больна, мне неизвестно.

---

¹ Новое (с 2005 г.) название Рангуна. Автор использует прежнее название страны — Бирма, хотя с 1989 г. страна называется Мьянмой. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Я понятия не имею о том, что маме нравится и что ее тревожит. Даже не знаю, любит она рис, как я, или лапшу, как ее брат.

Не знаю я и о том, крепко она спит по ночам или у нее бывает бессонница, как у дяди. Просыпается ли она по ночам и зовет меня только для того, чтобы убедиться, что меня нет рядом?

Я не знаю ее запаха. Не знаю, как звучит ее голос. Не знаю, похож я на нее или нет.

Даже не помню, когда мы с ней виделись в последний раз.

У дяди была ее фотография, которую он использовал в качестве закладки для книг. Мама, У Ба и я стоим на заснеженном крыльце, в шапках и рукавицах. Мама держит меня на руках — совсем еще маленького, завернутого в одеяло. Мы все старательно смотрим в объектив аппарата.

Однажды дядя забыл книгу на дворе. Хлынул дождь, насквозь промочивший страницы и снимок. С тех пор мама превратилась в очень красивое разноцветное пятно среди других пятен.

Чтобы прогнать эти мысли, я начал считать вслух. Есть у меня такая привычка. Если мне о чем-то не хочется думать, я просто начинаю считать. А если меня что-то тревожит или пугает, я начинаю считать то, на что падает взгляд. Например, плоды на дереве авокадо. Цветы на кусте гибискуса. Спицы на колесах моего велосипеда и даже ступеньки.

Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать...

Но сегодня мне никак не прогнать назойливые мысли.

Никак не перестать думать о маме.

Я ушел от кудахчущих кур в самый дальний угол двора и сел перед муравейником.

Тысячи муравьев ползли двумя черными колоннами вдоль кустов бугенвиллеи, направляясь к папайе. Там, по непонятной мне причине, они делали резкий поворот и уползали под изгородь в соседний двор.

Мне нравилось следить за муравьями. Они были живым доказательством того, что сила никак не связана с величиной тела. Муравьи перетаскивали листья, хвоинки и куски коры, которые были значительно тяжелее их.

Если на их пути я клал палки или камни, они останавливались на мгновение, прощупывали их своими крошечными ножками и усиками, а затем проходили над ними, под ними или обходили их, независимо от того, насколько высоким или широким было препятствие. Они обладали потрясающей целеустремленностью, и ничто не могло помешать им в достижении намеченной цели.

Эта мысль меня взбодрила.

Еще муравьи никогда не выказывали признаков страха. Можно подойти и топнуть ногами. Муравьи продолжают заниматься своим муравьиным делом. Не то что жуки, черви и мокрицы. Мокрицы невероятно трусливые твари: стоит мне поднять камень — тут же бросаются врассыпную.

Я сидел, смотрел на муравьев, вглядывался в их неутомимое движение, пока не потерял представление о времени.

Тревожные мысли постепенно ушли, я почувствовал себя лучше и вернулся в дом.

На ступеньках лежала пара дядиных рубашек, две мои зеленые школьные лоунджи¹ и кипа футболок. Рядом примостились грабли, которыми я собирался воевать с сорняками. Однако мне совсем не хотелось возиться со стиркой или копаться в огороде. Я поднялся в дом проведать У Ба.

Дядя все так же неподвижно лежал на кушетке. Одеядло сползло на пол. Я поднял его и сложил. Оно уже не хранило тепло дядиного тела.

Я не стал чинить колесо. Поставил запасное и поехал в город.

Сегодня был базарный день, а значит, на улицах прибавится людей, машин и мотоциклов. Надо смотреть в оба, а то мопед уже чуть не отбросил меня на обочину.

Дядя рассказывал, что не так давно на улицах Кало вообще не было ни машин, ни мотоциклов. Люди передвигались пешком, на велосипедах и многочисленных повозках, запряженных лошадьми. Электричество тогда выключалось в девять часов вечера, и на город опускался блаженный покой. Те, кто побогаче, зажигали свечи. Те, кто беднее, просто ложились спать. И не было ни компьютеров, ни телефонов, ни иностранных туристов.

Мне такого не представить. Нынче все взрослые только и пялятся в мобильные телефоны. Чем бы они тогда заполняли время?

На базаре почти над всеми лотками натягивают брезент, чтобы дождем не намочило. Возле лотков не протолкнуться. Пахнет сушеной рыбой, кори-

---

¹ *Лоунджи* — национальная одежда бирманцев, как мужчин, так и женщин; мужская юбка представляет собой кусок хлопковой ткани, сшитый по боковому шву.

андром и свежемолотым перцем чили. Торговцев мясом я всегда обхожу стороной. Не выношу зловония расчлененных мясных туш. Этот запах цепляется к моим ноздрям и держится часами.

Сегодня на базаре было полно людей разного возраста, но мне казалось, что я вижу только матерей с детьми. Торговки, которым было не с кем оставить малышей, брали их с собой на базар, и те ползали на животе среди гор моркови и картофеля. Покупательницы носили детей за спиной или держали на руках. Женщины хлопотали над детьми: кормили их, пели песенки и укачивали.

Я смотрел на них, и мне опять стало грустно. Я бесцельно бродил от лотка к лотку. Больше всего мне сейчас хотелось вернуться домой, к дяде, и улечься рядом с ним на кушетку. Но вчера он просил купить чая и пачку чирут¹. Еще я купил яиц и овощей на обед, немного выпечки, а также два букета желтых и белых хризантем для домашнего алтаря. У торговки сладостями я купил дяде два куса молочного кекса. Он меня об этом не просил, но я знал, как У Ба любит эти кексы. Погрузив купленное на багажник велосипеда, я поехал к Ко Айе Мину.

Его контора находится на боковой улице, неподалеку от рынка. Над дверью красуется вывеска: «Приключенческие туры с Аароном». Он называет себя Аароном, опасаясь, что иностранцам будет не запомнить его бирманское имя. Он работает гидом, то есть получает деньги за то, что водит людей по разным местам. Как-то я спросил его, что это за непонятная работа такая — водить иностранцев —

---

¹ *Чирута* — сорт сигар с обрезанными концами.

и почему ему за нее платят. По-моему, таким делом надо заниматься бесплатно; просто чтобы с кем-нибудь подружиться. Или помочь тому, кто заблудился. Он ответил, что его работа называется «туризм», и добавил, что я, наверное, еще слишком мал и не понимаю особенностей взрослого мира.

Для меня и сейчас загадка: ну какие могут быть приключения, когда бродишь по Па-О, Карену, Дану или Палонгу? Так называются деревни вокруг Кало. Однако в сухой сезон сюда приезжают толпы иностранцев, и Ко Айе Мин бывает очень занят. Он работает практически без выходных, и мы с ним почти не видимся. Зато в сезон дождей туристов немного. Тогда Ко Айе Мин просто сидит в своей конторе, и времени у него предостаточно. Мы играем в шахматы или говорим о футболе. Своих детей у него нет, поскольку он не женат. До недавнего времени у него была подруга, но не местная. Она жила где-то возле Манадалая. Знакомить родителей с Ко Айе Мином она не хотела и просто иногда приезжала в Кало. В такие дни Ко Айе Мину становилось не до меня. Но я не жаловался. Надолго она не задерживалась, а с какого-то времени вообще перестала приезжать.

Ко Айе Мин мне как брат, хотя он намного старше. По-моему, ему лет тридцать. Но разница в возрасте нам не мешает. У нас хватает тем для разговора, а если мы не настроены говорить, как сегодня, можно просто молчать вместе.

Он точно знает, о чем можно меня спрашивать, а о чем нельзя. Думаю, есть люди, которые знают об этом сами, и им даже не надо говорить.

Ко Айе Мин ни разу не спросил меня о матери. Он ни разу не упомянул про мой шрам.

Не то что ребята и учителя в школе. Мой шрам — темно-красного цвета, шириной со спичку. Он тянется от левого уголка рта почти до уха. У Ба думает, будто я редко его вижу, поскольку у нас дома нет зеркал. Дядя ошибается. Я вижу шрам каждый раз, когда кто-то смотрит на мое лицо.

Иногда внутри шрама возникает тянущее ощущение. И тогда я знаю: погода будет меняться.

В другие дни он вдруг начинает болеть и жечься. Это предвестники полосы неудач.

Кю Айе Мин обрадовался моему приходу. Он сидел в дальнем углу кабинета и читал книгу. На столе лежали газеты, карты и несколько нераспечатанных писем. Между ног Кю Айе Мина была зажата полупустая бутылка кока-колы.

— Привет, Шерлок, — сказал Кю Айе Мин, откладывая книгу.

Мы с ним посмотрели пару фильмов про Шерлока Холмса, после чего он стал звать меня Шерлоком. Кю Айе Мин утверждает, что я напоминаю ему знаменитого детектива, поскольку всегда задаю вопросы и у меня острый ум.

— Рад тебя видеть. Как поживаешь? — спросил он.

— Нормально. А ты?

— Тоже нормально.

Это было враньем. На душе у Кю Айе Мина кошки скребли, причем сильно. Меня ему не одурачить, поскольку я обладаю даром, смущающим даже меня самого. Стоит мне посмотреть человеку в глаза — и я вижу, что он чувствует.

Конечно, если чьи-то глаза полны слез, любой скажет, что этому человеку грустно. Я не о таком

знании. Я вижу, когда людям грустно, даже если они смеются.

Я вижу, как кто-то сердится, хотя делает вид, будто у него все прекрасно.

Я вижу, когда гнев служит маской, за которой прячется страх.

Я чувствую напряженность за дружелюбно звучащим голосом.

Ваши глаза всегда вас выдают. Они не умеют притворяться. Не умеют врать, даже когда этого хотят. Часто чужие глаза рассказывают больше, чем я хочу знать, и тогда мне становится не по себе. Тяжело видеть, как кто-то врет.

Поэтому я стараюсь никогда не смотреть другим в глаза слишком долго. Лучше смотреть в сторону или под ноги.

Если же так не получается, я могу смотреть и не видеть. Бывает, вы слушаете человека, но не слышите, о чем он говорит. Смотреть тоже можно не видя.

Дядя — единственный, кто знает о моем даре. Когда я рассказал ему, он погрузился в глубокое раздумье, посасывая погасшую сигару. Он качал головой, словно не мог в это поверить. Однако я понял: дядя не усомнился в моих словах.

Однажды дядя перебил меня на полуслове и спросил, не обладаю ли я также и исключительно острым слухом. Я не понял, почему он об этом спросил. Потом он захотел узнать, могу ли я распознавать различные эмоции. Мне было нечего ответить. Когда я смотрю в чужие глаза, то замечаю их блеск или подмигивание. Бывает, они вспыхивают, как угольки в огне. Глаза могут сверкать,